

Глухов В. А., Глухова Н. Н.

СИМВОЛИКА ДЕРЕВЬЕВ И РАСТЕНИЙ В МАРИЙСКИХ НАРОДНЫХ ПЕСНЯХ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/8-1/18.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 8 (15): в 2-х ч. Ч. I. С. 55-58. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

And ever honoured for his worthinesse [Chaucer 1995: 2].

Данный пример демонстрирует чёткое следование куртуазным канонам. Нетрудно заметить практически абсолютное отсутствие каких-либо стилистических приёмов, характеризующих внешние данные героя, однако номинативные единицы, относящиеся к семантическому полю 'положительные нравственные качества', имеются в данном описании в избытке *worthy, trouthe and honour, freedom and curteisye, honoured, worthinesse*. Все они образуют выделенную выше категорию *доблесть*, то есть та сила, которая определяется социальным укладом средневекового рыцарства, и сама, в свою очередь управляет поступками героя.

Из текста поэмы явствует, что как только герой возвращается из боевого похода, как немедленно присоединяется к группе паломников, идущих к мощам известного святого:

For he was late y-come from his viage,

And wente for to doon his pilgrimage [Chaucer 1995: 3].

Приведённый пример интересен также и тем, что демонстрирует не просто факт мобильности средневекового общества, но и направления векторов этого движения *viage, pilgrimage*, которые в данном контексте возможно рассматривать как социокультурные синонимы, поскольку любое путешествие, с точки зрения петраркианской традиции, следует рассматривать как метафору духовного восхождения человека, приближения его к духовному совершенству.

Проделанный анализ выявил факт сосуществования в рамках одного произведения различных эстетико-литературных традиций, которые тесно переплетаясь друг с другом порождают разнообразные лингвистические формы их объективации. Этот факт, в свою очередь, предопределяет необходимость комплексного подхода при анализе всего художественного произведения в целом, учитывая взаимосвязь элементов художественного целого не только между собой, но и с факторами экстралингвистического порядка.

Список использованной литературы

1. Алексеев М. П. Литература средневековой Англии и Шотландии. - М., 1984.
2. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. – Екатеринбург, 2005.
3. Прокопович С. С. Куртуазно-рыцарская традиция в творчестве Боккаччо (к вопросу о преемственности культуры Возрождения): Автореф. ... канд. филол. наук. - М., 1990.
4. Azzala C. Le Cività del Medioevo. – Bologna, 2004.
5. Brewer D. Chaucer and His World. – London, 1978.
6. Chaucer G. The Canterbury Tales. - Ldn., 1995.
7. Cheney P. Shakespeare, National Playwright. – Cambridge, 2004.
8. Ruggiers P. The Art of 'The Canterbury Tales'. - Madison, Milwaukee and London, 1967.
9. Tomasch S. Mappae Mundi and 'The Knight's Tale': The Geography of Power, the Technology of Control // Lynch K. Chaucer's Cultural Geography, 2002. - P. 193-225.

СИМВОЛИКА ДЕРЕВЬЕВ И РАСТЕНИЙ В МАРИЙСКИХ НАРОДНЫХ ПЕСНЯХ

Глухов В. А., Глухова Н. Н.

Марийский технический университет

Цель статьи - показать символическое значение названий деревьев и растений в марийских народных песнях, выявленных на материале 400 текстов с помощью семантического и факторного видов анализа в рамках системного подхода, с использованием метода последовательной дихотомии.

Народные песни передают различные эмоции и чувства этноса. В большинстве текстов о них сообщается с помощью образов. *Образы* в марийских песнях создаются, в основном, метафорическим переносом свойств одного предмета (явления) на другой на основании общего признака при сопоставлении этих предметов. Некоторые образы в результате своего частого использования могут стать основой для формирования этнических *символов*. Этот сложный процесс вызывает большое количество споров и не получил однозначного ответа в существующей литературе [Ровнер 2004: 5-14]. В данной работе мы не ставим задачу критического обобщения существующих точек зрения по проблеме или теоретического обоснования понятий «знак», «образ» и «символ». Как показало изучение различных концепций и результаты анализа эмпирического материала, видов образов и символов очень много. Поэтому, скорее всего, есть различные пути превращения образов в символы. Мы не настаиваем на том, что описываемый в работе способ перехода образа в символ - единственный, он лишь один из них. Процесс превращения образа в символ, на наш взгляд, подчиняется диалектическому закону перехода количественных изменений в качественные, т.е. с практической точки зрения, возникает необходимость проведения границы между образом и символом. *Системный подход* с использованием *методов факторного анализа* позволяет предложить вариант разрешения этого вопроса. В работе применяется метод *последовательной дихотомии* по принципу простого большинства. При таком подходе символами становится только группа главных образов на основании более частого их использования. Обоснованием такого решения служит предположение, что чем чаще употребляется образ, тем он имеет большую возможность стать символом, так как многозначность, главное свойство символа, не может быть достигнута при малом числе упоминаний. В своей основе *символ* всегда имеет переносное значение и в словесном выражении - это троп. Для его интерпретации требуется определенный контекст. *Символ*

(греч. - знак, опознавательная примета) в искусстве - это характеристика образа с точки зрения его осмысленности, выражение им некой художественной идеи [БСЭ 1988: 1208]. Смысл символа неотделим от его образной структуры и отличается многозначностью своего содержания, т.е. представляет нечеткое множество значений. Символ абстрактней, чем образ, и может быть выражен одним словом, например, названием растения. Главные свойства символа - лаконичность, понятность, выразительность - определяют его широкое использование в геральдике, оформлении монет, марок, открыток, плакатов, знаков безопасности, дорожных знаков и т.д. Многие символы имеют древнее происхождение (круг, крест, звезда, дерево, гексаграммы, карты Таро) и несут информацию о прошлых человеческих культурах. К общеупотребительным символам относятся: логотипы фирм, цифры, личные имена и т.д. Существуют общечеловеческие символы, а также символы условные; универсальные, т.е. закреплённые в культуре, и «случайные» (говоря языком Э. Фромма). Универсальные символы закреплёны данной конкретной культурой; случайные символы связаны с личным опытом человека. Они не имеют непосредственной внутренней связи между самим символом и тем предметом, который он символизирует. Символы постоянно создаются обществом, например, в сфере рекламы (Макдональдс, агент 007, Мадонна и т.д.). Это значит, что символическое мышление еще достаточно распространено. В настоящее время известны тысячи символов, принадлежащих разным культурам и религиям; они зафиксированы в словарях, справочниках и специальных энциклопедиях, хотя в древности значения многих символов были тайными. Выявление этнической *системы символов* позволяет понять способ мышления народа, так как такая система представляет собой его сконцентрированное выражение.

В народных марийских песнях наиболее распространены упоминания названий растений и деревьев, составляющих самую большую группу этнических символов по сравнению с символикой названий птиц, животных, числительных, обозначений цветовой гаммы [Глухов, Глухова 2007: 79-99]. Статистический анализ 400 песен из книги «*Марийские народные песни*» [Марийские народные песни 1976] показал, что в них содержится 316 упоминаний 55 растений. Использование названий растительного мира для характеристики людей и их эмоционального состояния свидетельствует о символическом значении растений и деревьев для песенного жанра. Данные анализа были занесены в Табл. 1 и показаны на гистограмме (Рис. 1). Все названия растений расположены в порядке убывания количества упоминаний. Часть видов растений, упоминаемых сравнительно редко, на диаграмме не показана.

Табл. 1. Результаты анализа упоминаний названий растений в марийских песнях

№	Название	Вероятность использования %%	№	Название	%%
1	Береза	10,5	17	Овес	1,6
2	Яблоня	8,9	18	Сосна	1,6
3	Рожь	8,6	19	Камыш	1,27
4	Черемуха	6,3	20	Лук	1,27
5	Дуб	6,0	21	Роза	0,96
6	Земляника, клубника	5,7	22	Лен	0,96
7	Мак	5,7	23	Дягиль	0,96
8	Липа	4,1	24	Конопля	0,96
9	Смородина	3,2	25	Одуванчик	0,96
10	Ива	3,2	26	Крапива	0,96
11	Клен	2,91	27	Шиповник	0,96
12	Малина	2,5	28	Вишня	0,63
13	Орешник	2,5	29	Осот	0,63
14	Осина	1,9	30	Ольха	0,63
15	Ель	1,9	31	Ячмень	0,63
16	Вяз	1,6	32	Рябина	0,63
33	Калина	0,63	45	Огурцы	0,3
34	Тополь	0,63	46	Краснотал	0,3
35	Ландыш	0,63	47	Ромашка	0,3
36	Осока	0,63	48	Сирень	0,3
37	Брусника	0,63	49	Ракита	0,3
38	Василек	0,63	50	Ежевика	0,3
39	Репей	0,3	51	Крыжовник	0,3
40	Гречиха	0,3	52	Слива	0,3
41	Репя	0,3	53	Ясень	0,3
42	Брюква	0,3	54	«Сонимак»	0,3
43	Ветла	0,3	55	Лопух	0,3
44	Капуста	0,3			

Как видно из таблицы, первые семь мест занимают *береза, яблоня, рожь, черемуха, дуб, земляника и мак*. Произведем сортировку названий растений, предположив, что чем чаще упоминается тот или иной вид, тем больше он имеет символическое значение. Используем для этого метод последовательной дихотомии, т.е. деления на два. Половина упоминаний в песнях приходится на первые семь растений (51,7%). Назовем эти растения *главными марийскими растительными символами*. В их число попадают: *береза, яблоня, рожь,*

черемуха, дуб, земляника (клубника) и мак. Снова поделим оставшуюся часть растений на два. В большую по количеству группу снова вошли семь растений, представляющие собой вспомогательные (второстепенные) образы-символы (20,3%): липа, смородина, ива, клен, малина, орешник и осина. Поделим на два оставшиеся наименования растений в последний раз так, чтобы все они были разделены на четыре группы. После этого деления в старшую по рангу группу вошли 11 растений, которые упоминались хотя бы по три раза (14%): ель, вяз, овес, сосна, камыш, лук, роза, лен, дягиль, конопля, одуванчик. Все вместе три старшие группы составляют преобладающее большинство видов растений - 86%. Назовем растения, входящие в 3-ю группу, дополнительными образами-символами, увеличивающими разнообразие выражаемых смыслов. Оставшиеся растения в объеме 14% используются в основном для образования конкретного контекста повествования и не имеют большого значения для символики, по крайней мере, на материале исследованных песен.

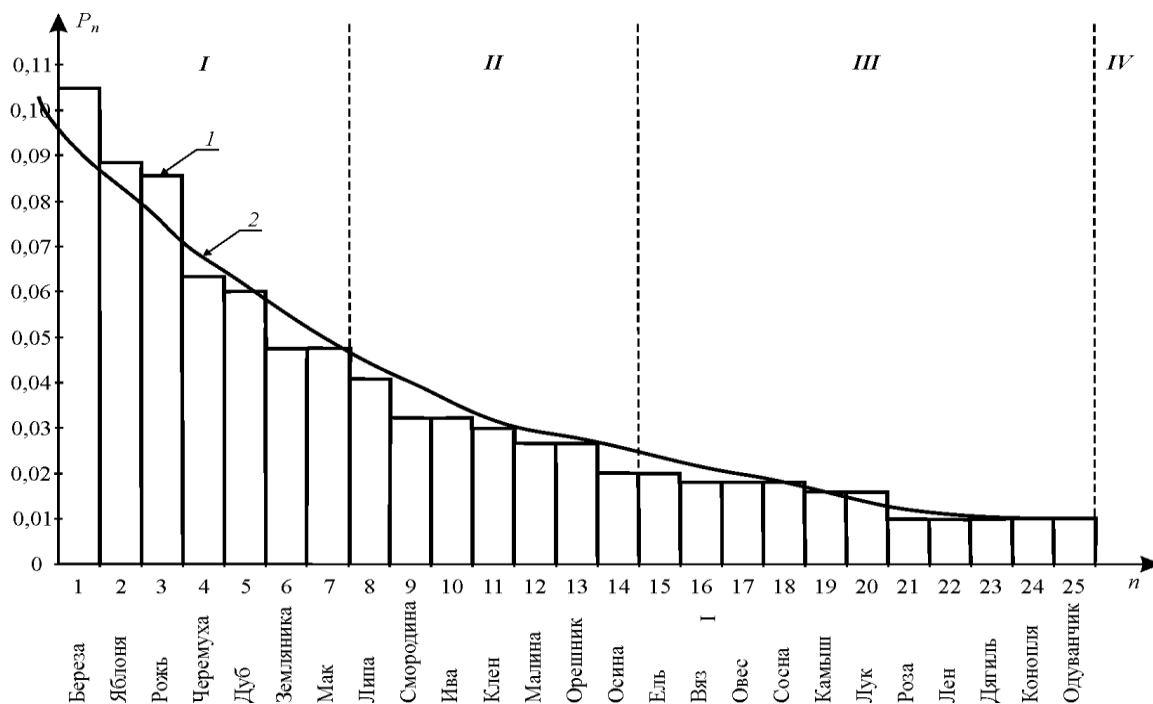

Рис. 1. Гистограмма распределения вероятностей упоминания названий растений и деревьев в марийских народных песнях - 1; ее аппроксимация показательной функцией - 2 ($P(n) = 0,1 e^{-0,1n}$). I - главные, II - вспомогательные, III - дополнительные, IV - малоиспользуемые символы

Семантический анализ текстов песен позволил дать интерпретацию 55 наименований растений, деревьев и цветов. Предлагаем рассмотреть главные растительные символы, к которым относятся: береза, яблоня, рожь, черемуха, дуб, земляника (клубника) и мак.

Береза обычно символизирует красивую, гибкую, стройную девушку, часто бедную. В песнях береза упоминается вместе с кукушкой или с соловьем. Девушка, готовая для вступления в брак, ассоциируется с цветущей яблоней, а женщина с детьми (плодородная) - с плодоносящей яблоней. При этом яблоки служат символом сексуальных удовольствий. Рожь в песнях может быть символом богатства, а поле, засеянное рожью, имеет два значения: либо это препятствие при переходе, либо радость для мужчины. Нежная цветущая девушка изображается черемухой. Следующий символ весьма многозначен. Дуб означает и качества характера: крепость, твердость, прочность, обозначает душу народа, и отца большой семьи, богатыря, царя, и постылого мужа. Яркость щек любимой девушки - это земляника (клубника). Она одновременно символизирует сексуальные удовольствия. Последний символ в главной группе - мак - обозначает девушку или парня, мягких и нежных. Опадание лепестков мака означает тишину или девичью долю. Использование этих образов составляет 51,7% от названия всех растений, цветов и деревьев, что позволяет сделать вывод об их статусе этнических символов. Интересно отметить, что последняя, четвертая группа растений образует чаще всего образы-символы с отрицательной коннотацией: они передают злобу, колкость, жесткость, горе, бедность, препятствие. Использование отрицательных символов в песнях происходит гораздо реже, чем положительных - они составляют 14% употреблений.

Обобщая растительную символику, можно сказать, что деревья служат символами людей на основании некоторых их общих свойств, особенно фаз жизни: расцвет, молодость, зрелость и старение. Плоды и ягоды - символы удовольствия, растительные побеги - символы детей. Исходя из приоритетов символов, на марийском гербе возможны изображения березы и яблони.

1. **Большая советская энциклопедия** / Главный ред. А. М. Прохоров. - М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1977. – Т. 27. - 3-е изд. - С. 496-497.
2. **Глухов В. А., Глухова Н. Н.** Системная реконструкция марийской этнической идентичности. – Йошкар-Ола, 2007. - 184 с.
3. **Марийские народные песни** / Пер. С. Поделкова. - Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1976. - 287 с. - 2-е изд.
4. **Ровнер А.** Предисловие // Энциклопедия «Символы, знаки, эмблемы» / Авт.-сост. В. Андреева и др. - М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2004. - С. 5-14.

СТЕРЕОТИПНАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ В РЕЧИ

Горло Е. А.

Таганрогский государственный педагогический институт

Исследование проведено при поддержке гранта Президента Российской Федерации для молодых российских ученых (МК-460.2007.6)

В стереотипном речевом поведении субъекта проявляются нормы индивидуального и национального сознания, общие закономерности мышления, опыт, знания о реальной действительности и другие важные для него и социальной группы, в которую он входит, смыслы. Наборы этих смыслов, обладают свойством категориальности или взаимоисключаемости, и, следовательно, могут быть объединены в категории. Поскольку смыслы, о которых идёт речь, внеязыковые или экстралингвистические, то и сами категории являются внеязыковыми или экстралингвистическими.

Наборы экстралингвистических смыслов меняются с приобретением субъектом нового опыта, новых знаний, умений и навыков. Меняются и речевые привычки актуализации субъектом этих смыслов в тексте. Представляется, что, изучив стереотипную актуализацию речевых средств, восходящих к той или иной категории, можно охарактеризовать коммуницирующего субъекта в конкретных период времени (провести синхронный срез индивидуальных особенностей) и проследить изменение характеристик субъекта в различные временные периоды (провести диахронный срез индивидуальных особенностей).

Набор экстралингвистических категорий, актуализация которых может быть изучена с целью диагностирования индивидуальных свойств субъекта, зависит от того, с какой целью осуществляется это диагностирование. В качестве исходных могут быть приняты, к примеру, широко известные категории Аристотеля: «Каждое из выражений, не входящих в какую-нибудь комбинацию, означает: или *субстанцию*; или *сколько*; или *какой*; или *в каком отношении*; или *где*; или *когда*; или *в каком положении*; или *в каком состоянии*; или *делать*; или *подвергаться действию* [цит. по: Бенвенист 1974: 106-107]. Их список в соответствии с современной интерпретацией может выглядеть следующим образом: категория бытия (субстанция), категория количества (сколько), категория качества (какой), категория отношения или модальности (в каком отношении), категория пространственной локализации или пространства (где), категория временной отнесённости или времени (когда), категория положения (в каком положении), категория состояния или результата действия (в каком состоянии), категория осуществления действия (делать), категория страдательности (подвергаться действию).

Рассмотрим в качестве примера стереотипную актуализацию экстралингвистической категории времени. Экстралингвистическая категория времени - набор смыслов, выражающих временную отнесённость (временную референцию) ситуации действительности.

В настоящее время изучение экстралингвистической категории времени особенно активно в типологических, формально-семантических и функционально-грамматических лингвистических исследованиях. Типологические лингвистические исследования направлены в первую очередь на выявление параметров межъязыкового варьирования в выражении временной референции, на анализ потенциальных путей диахронического развития показателей времени и разработку синхронных составов временных систем в различных языках [Bybee, Revere, William 1994]. Формально-семантические лингвистические исследования нацелены на изучение темпоральной семантики [Partee 2004]. Функционально-грамматические исследования особое внимание уделяют формулированию функциональных обобщений дистрибуции временных показателей [Бондарко 1999].

Актуализация экстралингвистической категории времени в речи может указывать на взаиморасположение временного интервала, в течение которого описываемая ситуация имеет место в действительности, и конкретной точки отсчёта, выбранной на временной оси отправителем текста. Она может указывать также на расположение точки отсчёта и момента коммуникации относительно друг друга (абсолютное и относительное время).

Стереотипная актуализация экстралингвистической категории времени в речи, и в частности актуализация смыслов абсолютного и относительного времени, отражает усвоенные субъектом в процессе его жизнедеятельности представления об устройстве и развитии реального мира, а также о способах его познания [ср.: